

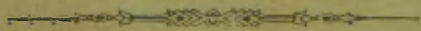
ПАВ. АЛ. ВИСКОВАТОВЪ.

ЮРЬЕВЪ (ДЕРПТЪ)

И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ.

681

(СООБЩЕНИЕ, ЧИТАННОЕ ВЪ ЗАЛѢ КРУЖКА
„РОДНИКЪ“ ВЪ ЮРЬЕВѢ.)

ЮРЬЕВЪ.

Типографія Шнакенбургъ

1894 г.

Дозволено Цензурою. — Юрьевъ, 18 Марта 1894 г.

Derpt Anno MDLIII

Юрьевъ Ливонскій и его историческое прошлое.

Лекція, читанная въ залѣ русскаго семейнаго кружка „Родникъ“ въ Юрьевѣ.

„М. Г.! Городъ нашъ въ полномъ смыслѣ слова стоитъ на костяхъ и на развалинахъ. Ройте, гдѣ вздумается, въ чертѣ его и даже за чертою, и вы непремѣнно нападете на слѣды фундаментовъ отъ старинныхъ строеній, на груды человѣческихъ костей, обломки оружія, на бронзовые и желѣзные предметы. Въ теченіе 20-лѣтняго моего пребыванія здѣсь я видѣлъ, какъ въ разныхъ мѣстахъ воздвигались постройки, проводились каналы для газовыхъ или водосточныхъ трубъ, и всегда въ изобиліи находилъ названные слѣды прежнихъ поколѣній и жилья ихъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ углубляли часть Звѣздной улицы, слишкомъ круто спускавшейся къ улицѣ Рижской. Огромное количество костей человѣческихъ навело на мысль, что тутъ было старое кладбище. Между тѣмъ разрабатывая садъ своего дома на Прудовой улицѣ не далеко отъ „Ремесленнаго собранія“ (Handwerkerverein) и затѣмъ другого дома, выходившаго на Пеплерскую улицу, я встрѣтился съ тѣмъ же явленіемъ, при большомъ количествѣ угля, остатковъ перержавѣвшаго и распадавшагося оружія, каменныхъ ядеръ и слѣдовъ зданій. Совершенно тоже представляла почва на дворѣ учительской семинаріи, на Широкой улицѣ, когда его раскапывали изъ-за постройки флигеля и, кажется, водопровода. Къ этому мѣсту прилегала старинная городская стѣна (остатки ея выходятъ на Ботаническую улицу). Беспорядочно разбросанные костяки свидѣтельствовали о бояхъ, м. б. штурмѣ, которыхъ такъ много перенесъ городъ. Когда воздвигали фундаментъ для зданія „Дерптскаго банка“ — рытье пришлось глубоко, на сажень и болѣе — можно было ясно различить три наслоенія мостовыхъ на нѣскольکو футовъ разстоянія одно отъ другаго. Почва города нашего росла и высилась отъ битвъ, пожаровъ и разрушенія. Прислушиваясь даже къ бѣглому моему разсказу о судьбахъ города, Вы убѣдитесь, что въ такомъ ростѣ его почвы нѣтъ ничего удивительнаго: такъ велики и часты были бѣдствія, сопровождавшіяся совершеннымъ уничтоженіемъ города и гибелью жителей.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что городъ нашъ и та возвышенная часть, которая называется теперь „Домскою горою“, были издревле святымъ мѣстомъ эстовъ язычниковъ или иныхъ проживавшихъ здѣсь народностей. Я говорю, другихъ, п. ч. возможность того, что здѣсь проживали остатки племенъ прибалтійскихъ славянъ, далеко не исключена. Замѣчу кстати, что археологическія раскопки все болѣе подтверждаютъ мнѣніе, что славянскія племена часто жили мирно совмѣстно съ племенами финскими. Могильники ихъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ; порою кладбища совмѣстны; слитіе совершалось легко. Кажется, что въ составъ великорусской народности не малымъ элементомъ вошла и финская народность: не даромъ самое слово „Москва“ финскаго корня, а раскопки въ нашихъ среднихъ губерніяхъ всюду указываютъ на присутствіе финскаго элемента. И въ настоящее время русскіе легко амальгамируются съ финнами и гораздо труднѣе съ народностями родственными, какъ напримѣръ съ латышами.

Итакъ съ незапамятныхъ временъ на нынѣшней Домской горѣ была святыня языческая. Недалеко отъ развалинъ собора, часть коего обращена въ помѣщеніе подъ университетскую бібліотеку, еще до начала 80 годовъ можно было видѣть большой камень — величиною съ кубическую сажень — древній жертвенный камень, какіе на Руси носили названіе: „конь-камень“. На Ладожскомъ озерѣ одинъ изъ острововъ получилъ свое названіе отъ такого камня. Островъ „Коневѣцъ“, съ знаменитымъ монастыремъ, своимъ названіемъ обязанъ существованію этой народной языческой святыни.

Камень на Домской горѣ лежалъ въ одномъ изъ сиреневыхъ кустовъ при подъемѣ съ Замятовой улицы. Два шаровидныхъ углубленія свидѣтельствовали, что христіане католики, желая отвлечь народъ отъ древней языческой святыни, обратили ее на служеніе христіанскому ритуалу. Углубленія сохраняли святую воду, которою окроплялись правовѣрные, осѣняя себя крестомъ, входя во храмъ, какъ это и до сей поры въ обычаѣ у католиковъ.

Множество народныхъ сказаній и преданій группировалось около этого камня. Надо предполагать, что въ сѣдой древности вокругъ него шумѣла роща съ священнымъ дубомъ или сосною, посвященною какому-нибудь языческому богу, м. б., богу иѣсенъ Ванемуйнѣ, съ которымъ связываются преданія. На востокъ отъ Дерпта въ ясную погоду можно видѣть въ синей дали гору, которая и теперь называется „Синею горою“. Она тоже была священной горой древняго населенія. Исчезновеніе камня на Домской горѣ имѣетъ свою характерную исторію, но здѣсь мы объ этомъ говорить не будемъ.

О томъ, какое названіе носила въ древности „Домская гора“, мы достовѣрнаго ничего не знаемъ. Вопросъ же о древнемъ

названіи нашего города пока остается невыясненнымъ. Что древній Юрьевъ помѣщался именно на нынѣшней Домской горѣ, не подлежитъ сомнѣнію, хотя нѣкоторые балтійскіе ученые и упорно стараются доказать, что Юрьевъ помѣщался гдѣ-то по другую сторону рѣки; то въ окрестностяхъ нынѣшней мызы Ратсгофъ, то на мѣстѣ или подальше нынѣшней психіатрической клиники, то ниже по Эмбаху, гдѣ нынѣ расположено имѣніе „Лунія“. Все это, говорю я, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики и только свидѣтельствуешь о непреодолимомъ желаніи доказать, что Дерптъ и Юрьевъ не имѣютъ ничего общаго между собою.

Наши древнія городища непременно воздвигались такъ, что въ основѣ стоялъ укрѣпленный замокъ — кремль, а для кремля въ окрестностяхъ Дерпта нѣтъ другого мѣста, какъ нынѣшняя „Домская гора.“ Нѣтъ никакого смысла искать другое подходящее мѣсто вопреки очевидности, вопреки вѣковымъ традиціямъ, крѣпко держащимся въ народѣ, а народъ до сей поры именуетъ городъ Юрьевымъ, какъ дѣлаютъ это и наши и нѣмецкія лѣтописи и хроники. Открытымъ вопросомъ остается и то, какое названіе древнѣе, Юрьевъ или Дерптъ. Самое слово Дерптъ или Дорпатъ остается неразъясненнымъ. Форма слова часто мѣнялась. Tarbeta или Tarbete, и Torbita и Torbata, тоже Dorbeta и Dorpat, а едва ли не древнѣйшая форма Terbt или Derpt. Поясненій этого наименованія много. Существуютъ даже диссертациі, толкующія о значеніи этого названія, но свѣта они не пролили. Пишутъ, что названіе связано съ именемъ Бога Tar или Thar, бога-громовника, и что Tar-bitā означаетъ „Таръ помоги“ или убѣжище Тара, или градъ Тара. Въ словѣ Таръ находятъ даже слово тюркскаго корня (проф. Эрдманъ), сродное съ русскимъ туръ — формой — встрѣчающейся въ арабскомъ, халдейскомъ, персидскомъ, даже чувашскомъ языкѣ, и означаетъ это буйволъ — священное животное.

Эстонцы называютъ городъ Tartu-linn, что объяснялось Балтійскими историками такъ, что когда русскіе въ XI вѣкѣ построили на священномъ холмѣ эстовъ твердыню Юрьевъ, то эсты, смутно слышавшіе о восточныхъ татарскихъ народностяхъ, назвали городище новыхъ пришельцевъ „Татарскимъ городомъ“ — Tartu-linn. Изъ этого, не лишеннаго извѣстной тенденции съ каламбурнымъ характеромъ, объясненія выходило бы, что слово Tartu-linn, изъ коего образовалось Torbata, болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ основаніе Юрьева.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса. Но не могу не остановиться еще на одномъ соображеніи, недавно слышанномъ мною. По этому объясненію выходитъ, что самое слово „Дерптъ“ происхожденія славянскаго. Объясненіе слѣдующее: У германцевъ, какъ извѣстно, не было деревень, а жили они хуторами. Самое слово нѣмецкое Dorf

(т. е. деревня) есть испорченное слово славянского корня (! ?): дервь, дерево, деревня, (селеніе изъ дерева). Dorf встрѣчаемъ часто въ формѣ Dorp и Degr, т. е. в перешло въ п, дерв въ дерп. Въ извѣстной книгѣ Хаекстаузена встрѣчается слово Dorp вмѣсто Dorf, въ Силезіи и у Вендовъ встрѣчается форма (за справедливость не ручаюсь) degr, наконецъ по Эльбѣ, гдѣ сохранилось много славянскихъ именъ, нѣкоторые названія относятся только къ замку на высотѣ, а окружающее селеніе просто именуется Dorp или Dorf.

Итакъ въ доисторическія времена нынѣшняя Домская гора представляла святыню и твердыню эстскую, укрѣпленную м. б. по обычаю времени рвами и завалами. Въ XI вѣкѣ (1030) В. Кн. Ярославъ, приводя къ послушанію ливовъ и эстовъ, платившихъ дань Владиміру, основываетъ городище или вѣрнѣе укрѣпленный замокъ Юрьевъ, такъ какъ городовъ въ то время въ Эстонскомъ краѣ не было, а укрѣпленное мѣсто въ центральномъ пунктѣ на рѣкѣ, прорѣзавшей страну и служившей ея главною артеріею торговли, являлось необходимою, разъ было положено собирать дань съ эстскаго народа, не трогая, впрочемъ, религіозныхъ его вѣрованій и обычнаго строя. Играя важную роль въ жизни и торговлѣ, рѣка наша не даромъ именовалась эстскимъ народомъ Ema wesi — Мать-вода или Ema jõgi — Мать-рѣка, тоже oma wesi, что сохранилось въ русскомъ наименованіи рѣки Омовжа а въ нѣмецкомъ переводѣ Embach. Въ то время Омовжа, катилась широкою извиристою рѣкою между топкихъ, поросшихъ камышомъ береговъ лѣсистаго края. Около Юрьева она расширялась значительно, такъ что потомъ гавань могла вмѣщать не малое количество судовъ, и еще позднѣе Шведы содержали здѣсь флотъ и строили суда. Петру I пришлось считаться съ военными кораблями, выходившими изъ Эмбаха въ воды Чудскаго озера. На нашихъ глазахъ даже совершается послѣднее сѣуживаніе рѣки, всего лѣтъ десять тому назадъ построили дамбу и стали заваливать широкое русло омельвшею рѣки у Фортунной улицы, противъ нынѣшней пароходной пристани. Рукавъ Эмбаха проходилъ приблизительно по нынѣшнему Ботаническому саду, огибая возвышенности Домской горы по нынѣшней Обводной улицѣ (Domgraben) и впадая вновь въ Омовжу, проходя мимо зданія типографіи Дерптской газеты и гостинаго двора. Я слышалъ отъ археолога, покойнаго профессора Гревинга, что онъ ребенкомъ игралъ на площади Баркляя, именовавшейся тогда „дѣтскимъ садомъ“ (Kindergarten), и плескался въ мутномъ ручейкѣ, вытекавшемъ изъ Обводной улицы и потомъ заваленномъ. Заваливаніе этого рукава, служившаго крѣпостнымъ рвомъ, продолжается еще и теперь и только что засыпаны углубленія, въ которыхъ стоитъ памятникъ надъ костями, собранными при постройкѣ клиникъ и другихъ зданій. Лѣтъ 5 тому назадъ памятникъ этотъ стоялъ сажени

на полторы ниже. Нынѣшній памятникъ воздвигнуть надъ старымъ, образующимъ его фундаментъ. Недалеко отъ него находится домикъ надъ колодезѣмъ съ водокачалкой. Обиліе воды частью объясняется существованіемъ здѣсь въ былые года рѣки.

Домская гора въ старину представляла двѣ возвышенности, совершенно отдѣленные другъ отъ друга. Нынѣшняя Замковая улица составляетъ искусственную насыпь, сдѣланную Минихомъ, который укрѣпилъ обѣ возвышенности земляными сооруженіями. До Миниха обѣ возвышенности представляли совершенно иной видъ. Та сторона, на которой построена обсерваторія и анатомическій театръ, являла большую естественную крѣпость. Стороны возвышенности были круче, и надо предполагать, что здѣсь-то и помѣщался кремль древняго Юрѣва. И позднѣе тутъ всегда находился укрѣпленный замокъ. Здѣсь же находилась и церковь. Резиденція же епископа была на другомъ холмѣ близъ собора, развалины коего мы видимъ до сей поры. Такимъ образомъ правильнѣе было бы называть возвышенности, на коихъ разбитъ теперь паркъ, одну „Домскою горой“, другую „Замковою“. Онѣ и составляютъ собственно двѣ отдѣльных горы и теперь еще соединяемыхъ двумя мостами.

Древнѣйшее изображеніе Дерпта, дошедшее до насъ, относится къ половинѣ XVI вѣка, къ 1553 году; здѣсь еще ясно видны двѣ отдѣляющіяся другъ отъ друга возвышенности города; замокъ съ церковью на одной, храмъ съ укрѣпленнымъ епископскимъ домомъ на другой сторонѣ. Тутъ же видно, что стѣны города далеко не доходили до рѣки, а заканчивались приблизительно на высотѣ нынѣшняго Успенскаго собора. Онъ построенъ на развалинахъ старинныхъ зданій, м. б., церкви и башни, почему и вся почва подъ храмомъ значительно выше лежащей мѣстности. Вы и теперь можете видѣть здѣсь остатки городской стѣны. Все пространство отсюда до рѣки было низменно и болотисто и только съ вѣками насыпалось выше и выше, особенно въ послѣднее столѣтіе. Я засталъ еще старожиловъ, хорошо помнившихъ, какъ то мѣсто, гдѣ теперь разведенъ паркъ около университетской купальни, каждую весну заливалось водою не меньше низменныхъ мѣстностей за Омовжей, гдѣ и теперь въ весну многоводную сообщеніе по улицамъ производится на лодкахъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ около деревяннаго моста высится теперь каменный домъ Гюббе, еще 20 лѣтъ тому назадъ стоялъ маленькій деревянный домикъ, глубоко ушедшій въ землю. Проф. Гревингъ помнилъ, какъ послѣ полноводья, въ домѣ этомъ, въ одной изъ печей, найдена была щука, попавшая туда во время высокаго стоянія водъ, покрывшихъ полъ фута на два, на три.

Но возвратимся къ первымъ столѣтіямъ существованія Юрѣва. Итакъ мѣстность эта была важнѣйшая, центральная

для эстскаго населенія. Недаромъ здѣсь была учреждена резиденція Епископа эстскаго, какъ въ Ригѣ Епископа латышскаго. Но въ XI и въ началѣ XII вѣка здѣсь еще городовъ не было, хотя селенія эстонцевъ явились зажиточными, даже богатыми, что и привлекло нѣмцевъ: сначала торговыхъ людей и духовенство, потомъ рыцарей-крестоносцевъ. Окрестности Дерпта были покрыты дремучими лѣсами, доходившими до Эмбаха и окружавшими Юрьевъ со всѣхъ сторонъ; около воды, рѣкъ, озеръ и рѣчекъ ютились селенія. Юрьевъ, кремль или замокъ былъ деревянный. Стѣны, всѣ укрѣпленія деревянные. Нѣмцы, придя въ страну, первые научили каменнымъ постройкамъ. Собщеніе съ Юрьевымъ было не легкое и потому понятно, что отрѣзанная отъ родичей, горсть русскихъ, жившихъ за деревянными стѣнами, могла держаться только сравнительно въ спокойное время. При сильныхъ и продолжительныхъ враждебныхъ дѣйствіяхъ гибель являлась неизбежною, если не удавалось выбраться изъ осажденнаго замка. Вотъ почему русскимъ князьямъ вновь и вновь приходится завоевывать Дерптъ, то и дѣло выжигаемый или самими эстами или же по большей части литовцами, латышами, а потомъ нѣмцами.

Черезъ сто лѣтъ послѣ основанія Юрьева, въ 1133 году, городомъ овладѣваетъ князь Всеволодъ Гавріиловичъ, 700-лѣтняя годовщина смерти коего недавно праздновалась въ Псковѣ. Мы не знаемъ ничего о судьбахъ Юрьева съ основанія его до названнаго взятія кн. Всеволодомъ Гавріиловичемъ, т. е. въ теченіе вѣка. Извѣстно также, что послѣ побѣды Всеволода Гавріиловича Юрьевъ одно время пропадаетъ для Россіи. Онъ опять взятъ русскими въ 1192 году. Но затѣмъ скоро латыши дѣлаютъ набѣгъ и опустошаютъ окрестности Дерпта и землю такъ, что когда въ 1211 году братъ епископа Теодорихъ съ нѣмцами приходитъ къ Дерпту, то находятъ, говоритъ лѣтописецъ Генрихъ Латышъ, „весь край опустошеннымъ летами, Тарбатскій замокъ сожженнымъ и покинутымъ. Тогда они перешли черезъ рѣку, называемую „Матерью водъ“; вступивъ же въ деревни и найдя въ нихъ мало народу, они пошли въ лѣса, гдѣ въ самой густой чащѣ язычники сдѣлали себѣ завалы изъ срубленныхъ кругомъ большихъ деревьевъ съ тѣмъ, чтобы тутъ при нашествіи войска прятать свое имущество. Когда христіанское войско подошло сюда, они мужественно вышли противъ него и долго защищались, пользуясь неровностью мѣстности, но не могли противостоять напору христіанъ, дали тылъ и побѣжали въ лѣса. Христіане преслѣдовали бѣгущихъ, убивали попавшихся имъ, брали въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, лошадей, скотъ, имущество, а имущества было много, потому что сюда бѣжали жители со всего края и сносили все добро свое. Подѣливъ добычу между собою, христіане съ илѣнными веротились домой въ Ливонію,“ т. е. къ берегамъ Двины въ Епископство Рижское.

Это были первые попытки нѣмцевъ распространить владычество свое на сѣверъ. Укрѣпившись въ землѣ латышской, они начали подчинять себѣ и эстовъ. Судя по общему ходу нѣмецкой политики, можно съ достовѣрностью высказать мнѣніе, что набѣгъ латышей на страну, предшествовавшій вторженію, нѣмцевъ, былъ направленъ самими тевтонскими пришельцами, а затѣмъ они сами пошли за добычею, зная, что эсты, по обыкновенію своему, уходя отъ врага, соединялись массами въ лѣсахъ, въ укрѣпленныхъ лагеряхъ, свозя сюда свое имущество и сокровища. Эти укрѣпленные мѣста назывались „крестьянскими твердынями“ „Bauern Burgen,“ и обыкновенно для нихъ выбирались возвышенные мѣста, окруженные болотами, въ лѣсахъ, въ трудно доступной мѣстности. Если на возвышенностяхъ почва представляла нѣкоторое удобство, то прорывались ходы, искусственныя пещеры, гдѣ и укрывались женщины, дѣти, иногда скотъ, тогда какъ мужчины защищали возвышенность и входы, если становилось яснымъ, что врагу извѣстно мѣсто укрывательства.

Верстахъ въ двухъ отъ Дерпта по дорогѣ въ Квистенталь, слѣдовательно, по другую сторону Омовжи на возвышенностяхъ изъ песчанника, защищаемыхъ и теперь еще торфяными болотами, существуютъ обширныя искусственныя пещеры (пещеры Аррокюльскія), получившія въ 40-хъ годахъ, когда онѣ были изслѣдованы, названіе „Дерптскаго лабиринта“. Года два тому назадъ я подвергъ ихъ опять осмотру, что, въ виду осыпавшейся части ихъ, не совсѣмъ безопасно и осмотръ этотъ вполне тщательно не могъ быть произведенъ. Говорить здѣсь подробно объ этихъ пещерахъ не мѣсто, но такъ какъ я дѣлаю описаніе мѣстности нашего города, то небезынтересно знать, что въ непосредственной близости къ нему находятся любопытные остатки древнихъ подземныхъ жилищъ и возвышенности, не разъ служившія населенію мѣстомъ убѣжища отъ враговъ.

Коснувшись сѣдой старины нашего города, не могу не остановиться на геройскомъ образѣ русскаго князя, величаво рисующагося на фонѣ событій давно прошедшаго времени. Витязь этотъ такъ типиченъ, такой цѣльный представитель русскаго характера, судьба и дѣятельность его такъ рисуютъ эпоху вторженія нѣмцевъ и отношеніе къ пришельцамъ русскіихъ князей, что нельзя не остановиться на немъ, тѣмъ болѣе, что онъ сложилъ свою смѣлую и честную голову здѣсь, въ Куревѣ, въ борьбѣ за русское дѣло, призванный угнетеннымъ народомъ. Я говорю о славномъ князѣ Вячеславѣ Борисовичѣ, именуемомъ Вячко.

Невзгода никогда не приходитъ одна. „Пришла бѣда, отворяй ворота“, со всѣхъ сторонъ идетъ она, во всѣ двери стучить. Въ 1224 году Россія впервые услышала о татарахъ. Въ этомъ же году нѣмцы, скромно вступившіе на русскую землю съ разрѣшенія князей Полоцкихъ, послушно платя имъ дань,

оперились, утвердились въ каменныхъ замкахъ своихъ и, собравъ все силы, окружили оплотъ эстскаго народа Юрьевъ, защищаемый безстрашнымъ Вячкой, и взявъ его, надолго утвердились въ странѣ.

Но чтобы пояснить вполне личность послѣдняго русскаго бойца, бойца за русское дѣло въ древнюю эпоху, позвольте сдѣлать небольшое отступленіе отъ темы и напомнить вамъ, какъ началось вторженіе нѣмецкое. При этомъ скажу, что мои сообщенія основываются почти исключительно на нѣмецкихъ источникахъ. Источники эти вообще подробнѣе нашихъ лѣтописей, вниманіе коихъ было главнымъ образомъ обращено на татаръ.

Нѣмецкіе купцы издавна вели торговля сношенія съ Ливами на берегахъ Двины. Съ ними въ концѣ XII вѣка прибылъ августинскій монахъ Мейнгардъ. Его прекрасная наружность, высокое ясное чело, лицо, обрамленное сѣдою бородой и волосами, вызывало благоговѣйное чувство. Онъ пришелъ учить язычниковъ слову божьему, но весьма осторожный, прежде всего обратился за разрѣшеніемъ къ князю полоцкому Владиміру, который принялъ его ласково и отпустилъ съ дарами. Мейнгардъ утвердился на правомъ берегу Двины въ мѣстечкѣ Иксуль, гдѣ нѣмецкіе купцы имѣли свое складочное мѣсто. Этотъ апостолъ прибалтійскаго края первый проповѣдникъ, посланный нѣмецкой землею, сталъ прототипомъ дальнѣйшихъ распространителей германскихъ христіанскихъ вѣрованій и германской культуры. Мейнгардъ былъ не только Господнимъ воиномъ, но хорошо умѣлъ направлять битву и владѣть мечемъ, что не мало способствовало его христіанскому дѣлу. Этотъ же апостолъ первый воздвигаетъ укрѣпленные замки изъ камня, для чего выписываются имъ мурники и каменщики нѣмцы. „Drang nach Osten“ получаетъ въ Германіи право гражданства. Крестоносцы не только идутъ на юговостокъ къ сарацинамъ. Многіе находятъ для себя болѣе удобнымъ и безопаснымъ направиться на берега балтійскаго моря. Побуждаемый доводами Мейнгарда, Папа велѣлъ объявить отпущеніе грѣховъ всѣмъ тѣмъ, которые примутъ крестъ, чтобы силою оружія поддержать возникающую Ливонскую церковь. Но не дождавшись помощи, Мейнгардъ скончался (1196). Преемникомъ ему былъ посланъ цистерціанскій монахъ Бертольдъ. — Онъ пришелъ съ толпою вооруженныхъ бойцовъ за вѣру Христову и расположился на берегу Двины на Рижскомъ холмѣ. Здѣсь произошло сраженіе съ Ливами и Бертольдъ былъ убитъ: въ отмщеніе за смерть эту страна страшно была опустошена; епископомъ же изъ Германіи присланъ изворотливый, энергичный и предприимчивый Альбертъ изъ фамиліи Апельдернъ или Буксгевденъ. Альбертъ каждую осень ѣздитъ въ Германію и весною привозилъ съ собою новыя дружины пилигримовъ-ратниковъ. Страна усѣвалась укрѣпленными

монастырями и замками. Однако туземцы крепко отстаивали независимость свою и Альбертъ рѣшился основать въ Ливоніи монашескій рыцарскій орденъ по примѣру орденовъ, которые существовали въ то время въ Палестинѣ. Папа Иннокентій III въ 1202 году особою буллою утвердилъ этотъ орденъ (подъ именемъ *Fratres militiae Christi*). Отличительнымъ знакомъ его былъ бѣлый плащъ съ изображеніемъ меча и креста цвѣта крови. Отсюда и пошло обыкновенное наименованіе этихъ „Божіихъ ратниковъ“ Меченосцами. Понимая, что несмотря на превосходство культуры, боевого вооруженія и искусства, не совладать съ воинственными и упрямыми туземцами, Альбертъ искусно поддерживалъ вражду населенія, возстановлялъ однихъ противъ другихъ и, помогая поочередно то однимъ, то другимъ, губилъ, такъ сказать, собственными ихъ силами, положивъ такимъ образомъ основу той политикѣ, которой Балты съ успѣхомъ оставались вѣрны въ теченіе вѣковъ. Первымъ магистромъ ордена былъ назначенъ Винно фонъ-Рорбахъ, искусный воякъ. Альбертъ явился головою, Рорбахъ мощною рукою — исполнителемъ предначертаній хитроумнаго монаха.

Рѣшительно, но жестоко водворяли въ странѣ владычество свое нѣмцы. Осмотрительно подвигались они на востокъ и сѣверъ, все тѣми же приемами интриги и коварства внося ссоры между обывателями страны. Это было тѣмъ удобнѣе, что прибалтійскій край населяло нѣсколько народностей: Ливы, Латыши, Эсты, остатки прибалтійскихъ Славянъ. Русскіе являлись верховными владыками края, но довольствовались платимою имъ мѣстнымъ населеніемъ данью. Нѣкоторые историки, особенно нѣмцы, оспариваютъ права русскихъ князей на прибалтійскій край, но это рѣшается въ утвердительномъ смыслѣ уже тѣмъ, что, по свидѣтельству Ливонской хроники, начинальнیکъ нѣмецкаго вліянія въ краѣ Мейнгардтъ не рѣшается дѣйствовать и даже проповѣдывать безъ разрѣшенія князя полоцкаго (около 1184 г.). Даже побѣдоносные въ стычкахъ съ туземцами, при взятіи городовъ, защищаемыхъ небольшими отрядами русскихъ, рыцари стараются придать своимъ дѣяніямъ видъ справедливаго наказанія провинившагося населенія, предлагая русскимъ воинамъ безпрепятственный выходъ. Взявъ укрѣпленное мѣсто, они не всегда тотчасъ рѣшаются утвердиться въ немъ, а лишь разрушаютъ и сжигаютъ укрѣпленія. Русскимъ же вносятъ дань, уплачивавшуюся мѣстнымъ населеніемъ, какъ бы признавая себя сборщиками русскихъ князей. Къ прискорбію, русскіе князья не умѣютъ поддержать свои права. Въ постоянныхъ распряхъ и междоусобицахъ они, и за рѣдкими исключеніями, не понимаютъ дальновидной политики нѣмцевъ, дружатся съ ними и только, когда усиливающіеся нѣмцы выказываютъ наглую самоувѣренность и безстыдство, идутъ ратью на нихъ. Нѣмцы, чувствуя себя еще недостаточно окрѣпшими, тотчасъ мѣняютъ фронтъ,

опять становятся заискивающими, предупредительными, уступчивыми. Признають внѣшнимъ образомъ господство русскихъ въ странѣ, платятъ дань, откупаются подарками.

Русскіе князья, Новгородъ и затѣмъ Псковъ, думая о торговыхъ выгодахъ, дружелюбно встрѣчали нѣмцевъ, совѣтуя имъ не трогать въ странѣ религіознаго вопроса. Нѣмцы же толковали о необходимости крестить туземцевъ, обращать ихъ въ вѣру христіанскую. Они прикрываютъ этою цѣлью всё ужасы своихъ дѣяній. Современная хроника Генриха Латыша, т. е. латыша, воспитаннаго нѣмцами въ вѣрѣ христіанской, съ ужасомъ говоритъ о томъ, что русскіе совсѣмъ не радѣли о дѣлѣ Христовомъ. Одинъ только изъ русскихъ князей Вячеславъ Борисовичъ, сынъ князя полоцкаго Бориса Давыдовича, понялъ дальновидную политику нѣмцевъ. Онъ владѣлъ удѣломъ на Двинѣ въ замкѣ Кокенгузенѣ, недалеко отъ Икскюля и Риги, гдѣ утверждались пришельцы-нѣмцы. Кокенгузенъ былъ самою западною твердынею русскою.

Въ 1205 году Вячко, прослышавъ, что нѣмцы двинулись вверхъ по Двинѣ въ большемъ количествѣ, чѣмъ обыкновенно дѣлали это купцы по торговымъ дѣламъ, хотѣлъ удостовѣриться, насколько миролюбивы ихъ предпріятія и, испросивъ себѣ пропускъ, выѣхалъ къ нимъ навстрѣчу на лодѣ. Его встрѣтили дружелюбно и заключили съ нимъ договоръ. Успокоенный Вячко весело вернулся къ себѣ. Но скоро ему пришлось усомниться. Прибывали все новыя толпы изъ Германіи и черезъ два года, въ 1207 году, Вячко идетъ уже съ дружиною на Ригу. Его приняли опять дружелюбно, какъ владѣтельнаго князя. Епископъ угощалъ его нѣсколько времени въ Ригѣ въ домѣ своемъ; признавалъ верховность русской власти, говорилъ лишь о торговыхъ и религіозныхъ цѣляхъ.

Тѣснимый волнүемыми и возстававшими латышами, Вячко даже принялъ обѣщаніе дружеской помощи со стороны епископа противъ враждебныхъ литовцевъ. Но врагъ оказался еще другой. . . . Нѣмцы уже начали укрѣпляться въ замкахъ и одинъ изъ рыцарей Даніиль Ленварденскій, придравшись къ какому то случаю, напалъ врасплохъ на Кокенгузенъ. Нѣмецкій историкъ такъ рассказываетъ о нападеніи: „Люди Даніила поднялись выѣстѣ съ нимъ ночью и быстро двинулись на замокъ князя. На разсвѣтѣ они подошли къ замку и нашли, что всё, кто былъ внутри его, спали, а стража на валу плохо караулила замокъ; тогда они проворно полѣзли на валъ и благополучно взошли на него. Войдя въ замокъ, они не хотѣли убивать русскихъ, такъ какъ русскіе были христіане, но грозя имъ мечами, однихъ обратили въ бѣгство, а другихъ взяли въ плѣнъ и заковали въ оковы. Между прочимъ и самого князя тоже заковали.“ Интересна подробность, что самъ виновникъ нападенія не присутствовалъ при немъ, а находился вблизи. Онъ

явился лишь по окончаніи дѣла и заявилъ, что не воспользуется добычею, а хочетъ знать мнѣніе епископа. Епископъ сдѣлалъ видъ, что недоволенъ случившимся. Приказалъ расковать русскихъ, угощалъ ихъ во время пасхи у себя (6 апр. 1208 г.) и примирилъ рыцаря съ княземъ. Вячку отпустилъ въ замокъ, давъ ему съ собою 20 надежныхъ рыцарей съ ихъ доспѣхами и лошадьми, да еще воиновъ изъ своей дружины, вооруженныхъ самострѣлами, и каменщиковъ для того, чтобы укрѣпить замокъ Кокенгузенъ. Особенно цѣнились самострѣлы. Русскіе употребленія ихъ еще не знали и стрѣляли изъ луковъ.

Такимъ образомъ у князя Вячко оказался въ замкѣ нѣмецкій гарнизонъ. Теперь ему стало ясно, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло.

Вячко тайно увѣдомляетъ князя Владиміра полоцкаго о случившемся, о необходимости вытѣснить быстро укрѣпляющихся нѣмцевъ. Не видя поддержки со стороны родныхъ князей, Вячко самъ расправляется со своимъ гарнизономъ. Онъ нападаетъ на нѣмцевъ, занятыхъ каменными работами (укрѣпленіемъ замка). Только немногимъ удается спастись бѣгствомъ. Предполагая, что епископъ уже уѣхалъ въ свое ежегодное странствованіе, т. е. въ Германію на поиски за новыми вооруженными людьми „божьей рати“, Вячко торонитъ князя Полоцкаго идти съ нимъ на Ригу и выкинуть нѣмцевъ. Но князь полоцкій Владиміръ, собравшій было войска, опять не оказалъ поддержки Вячкѣ. Пребывая одинъ въ борьбѣ съ врагами — пришельцами, Вячко, видя превосходство силъ и невозможность продержаться, распустилъ служилыхъ туземцевъ и, самъ сжегши Кокенгузенъ 1208 году, ушелъ въ землю Полоцкую. Епископъ тотчасъ овладѣваетъ мѣстомъ и возводитъ на пепелищѣ каменную твердыню (1209) съ сильнымъ, хорошо вооруженнымъ гарнизономъ.

Упрочившись въ странѣ, нѣмцы помышляютъ о дальнѣйшемъ завоеваніи. Сначала возбуждаютъ латышей противъ эстовъ и тѣ, напавъ врасплохъ, сжигаютъ замокъ Юрьевъ и опустошаютъ страну, а послѣдъ за тѣмъ, какъ мы видѣли, въ 1211 году идутъ нѣмцы, разбиваютъ собравшихся и укрѣпившихся близъ Дерпта эстовъ. На другой годъ нѣмцы опять идутъ въ Эстонію. Снова опустошаютъ, убиваютъ и берутъ въ плѣнъ ограбленныхъ эстовъ. А земля была богата и обильна. Лѣтописецъ нѣмцевъ подробно говоритъ о дѣяніяхъ христіанскаго нѣмецкаго войска. . . . „Собравшись же въ деревнѣ, называемой Карстенъ (нынѣ Гросъ-Кореда), войско опустошило огнемъ и мечемъ всѣ окрестности ея. Была же эта деревня очень красива, велика и обильна народомъ, какъ всѣ деревни во всей Эстоніи, которыя впослѣдствіи были часто опустошаемы и сжигаемы нашими.“ Послѣ опустошенія и избіенія лучшихъ людей, оставшихся крестили въ христіанскую вѣру. Вотъ это-то болѣе

всего возмущало даже и слабыхъ, не способныхъ къ открытому сопротивленію, и монаховъ и католическихъ патеровъ убивали, за что опять подвергались нашествію рыцарей.

Между тѣмъ Вячко, самый заклятый и непримиримый врагъ нѣмецкаго латинства, неустанно бодрствовалъ, стараясь доказать русскимъ князьямъ необходимость изгнанія или хотя укрощенія нѣмцевъ. Потерявъ надежду на помощь полоцкихъ князей, онъ обратился къ Новгородцамъ и Псковичамъ, имѣвшимъ права на Юрьевъ и эстскую землю. Но князья не понимали положенія дѣла, а нѣмцы и епископы ихъ умѣли задабривать недальновидныхъ русскихъ. Князь Псковской Владиміръ въ 1212 году, какъ разъ въ то время, когда нѣмцы опустошаютъ прибрежныя Омовѣ эстскія земли, выдаетъ дочь свою замужъ за брата рижскаго епископа. Раздраженный народъ изгоняетъ его и онъ находитъ убѣжище и ночетъ въ Ригѣ.

Избываемые и угнетаемые эстонцы, видя, что пѣмцы одолеваютъ и утверждаютъ въ странѣ, послали старшинъ просить русскихъ князей заступиться. Тогда выступилъ Ярославъ, кн. Новгородскій, съ Суздальцами, Новгородцами, Псковичами, всего 20 т. человекъ. Эсты близъ Дерпта встрѣтили ихъ съ торжествомъ, передали подарки, плѣнныхъ нѣмецкихъ торговыхъ людей и переловленныхъ ими рыцарей. Новгородцы укрѣпили Юрьевъ и оставили въ немъ гарнизонъ. Укрѣпленъ Юрьевъ былъ хорошо, такъ что по уходѣ русскихъ нѣмцы въ 1223 году тщетно осаждали его и ушли, ничего не добившись и много потерявъ народу.

А въ Юрьевскомъ замкѣ сидѣлъ Вячко, добившійся наконецъ своего. Новгородцы снабдили его деньгами и 200 человекъ русскихъ отборныхъ ратниковъ и Юрьевъ и окрестныя земли назначили ему въ удѣлъ. Съ радостью приняла земля Вячку, чужа въ немъ оплотъ противъ нѣмцевъ. Все, что было недовольно пришлымъ латинскимъ людомъ, что потерпѣло отъ него, что не сломилось, не поддалось чужеземному гнету, все бѣжало въ Юрьевъ къ Вячкѣ. И этого народный герой причинилъ нѣмцамъ зло, какое только могъ причинить, и именуетъ его нѣмецкій лѣтописецъ петлею и сущимъ дьяволомъ.

Нѣмцы отлично понимали, что имъ не удержаться въ Ливоніи при опытномъ и рѣшительномъ вождѣ, умѣвшемъ привлечь туземныя силы подъ русскій стягъ. Попытались они по обыкновенію ослабить врага, направивъ противъ него латышей и ливовъ, но тѣ съ нимъ ничего не могли сдѣлать. Попытались и рыцари и епископскіе люди овладѣть Юрьевымъ: разъ въ 1223 году и опять весною 1224 года, но безуспѣшно. Вячко побивалъ и прогонялъ ихъ.

Тогда Епископы — латышской земли Альбертъ (въ Ригѣ) и уже получившій епископство эстской земли (въ Леалѣ) Германъ, опасаясь за будущность церкви и свѣтскаго владычества въ за-

воевываемой странѣ, рѣшились напрямъ всѣ силы и овладѣть Юрьевымъ. „Въ походъ пошли всѣ меченосцы, пришлые крестоносцы, купцы и граждане рижскіе, крещенные ливы и леты, всѣ, кто только принадлежалъ къ Ливонской (латинской) церкви.“ Поля вокругъ Юрьева покрылись шатрами. Трижды, до и во время осады, предлагалось Вячкѣ выйти съ русскими изъ замка и отказаться отъ покровительства вѣрившимся ему туземцамъ. Вячко не принималъ предложеній. Онъ ждалъ помощи изъ Новгорода и Пскова. Помощь не приходила. Мужественно отражалъ онъ приступъ за приступомъ. Нѣмцы воздвигли высокую башню и, засыпавъ ровъ, стали подвигать ее къ валу, подкапываясь подъ землю. За землянымъ валомъ высилась деревянная стѣна, до нея-то добирались осаждающіе. Осажденных утомляли, не давая имъ отдыха ни днемъ, ни ночью. Несмолкаемый шумъ стоялъ въ воздухѣ. „Били въ литавры, ударяли мечами о щиты, играли въ свистки и другіе музыкальные инструменты.“ Когда башня была придвинута къ стѣнѣ, осажденные сдѣлали проломъ въ ней и сквозь него выкатывали огненные колеса и снадобья, желая сжечь башню. Вячко отражалъ всѣ нападенія.

„Собрались осаждающіе — говоритъ лѣтописецъ — и искали совѣта у Бога.... Былъ тутъ одинъ благородный и богатый фохтъ пилигримовъ и сказалъ онъ: Надо взять этотъ замокъ и учинить возмездіе злодѣямъ на страхъ другимъ....“ Первому, кто взойдетъ на стѣну, обѣщали дать лучшую лошадь и знатнѣйшаго плѣнника, какой только окажется въ замкѣ, кромѣ князя (Вячки), „этого — говорили — мы вознесемъ выше всѣхъ, повѣсимъ на самомъ высокомъ деревѣ“. Утромъ, 15 Августа, въ день Пресвятыя Богородицы, начался всеобщій приступъ. Іонъ Анельдернъ, братъ епископа, величественный рыцарь, взявъ зажженный факель (огонь, говоритъ лѣтописецъ), сталъ первый съ оруженосцемъ своимъ подниматься по валу къ стѣнѣ, за нимъ бросались другіе и частью черезъ стѣну, частью сквозь сдѣланное осажденными въ стѣнѣ отверстіе, прорвались въ городъ*). Вячко съ горстью русскихъ еще долго защищался. Все пало — и Вячко съ боярами и дружиной! Только одинъ суздалецъ былъ пощаженъ. Его посадили на быстрого коня и послали въ русскую землю рассказать о томъ, что онъ видѣлъ.

Юрьевъ былъ разрушенъ и сожженъ до основанія. На костяхъ павшихъ „началось у христіанъ — рассказываетъ Ливонскій хроникеръ — большое торжество и игра на свирѣляхъ и музыкальныхъ инструментахъ съ боемъ въ литавры....“

*) Татищевъ говоритъ, что нѣмцы взяли замокъ измѣннически, предложивъ перемиріе. Но я рѣшился, какъ уже замѣтилъ, пользоваться лишь ливонскими источниками.

Такъ палъ Юрьевъ и на многіе вѣка утвердилось въ немъ господство нѣмецкое. Надъ костями славнаго Вячки, мужественно и одиноко стоявшаго за Русь, сталъ подниматься изъ пепла новый городъ пришлаго люда, городъ иного строя, и богатымъ разросся онъ на берегахъ Омовжи. Такъ утвердились на сѣверо-западѣ нашемъ нѣмцы, а съ юго-востока вторглись татары. „И взомель посѣвъ по Руси — горемъ“! . . .

Тотчасъ послѣ смерти Вячки и гибели Юрьева, въ томъ же 1224 году епископъ Германъ переноситъ сюда свою резиденцію, усиленно воздвигаетъ стѣны и городскія зданія, строить величественнѣйшій въ Ливоніи храмъ, въ честь святого Діонисія, развалины котораго, подъ названіемъ „Домской руины“, вы видите и до сей поры. Храмъ, въ 262 фут. длины и 92 фут. ширины, имѣлъ двѣ башни, вышиною въ 220 футовъ и даже болѣе. [Верхняя часть обгорѣлыхъ башенъ была скрыта въ половинѣ XVIII ст., когда предполагалось укрѣпить Дерптъ и воспользоваться башнями для постановки батарей, долженствовавшихъ доминировать надъ окрестными возвышенностями. Тогда же для возведенія земляныхъ укрѣпленій была скрыта часть Домской горы, у главнаго входа въ храмъ, отчего башни получили трещины. (Thrämer, III. B. der Verhandlungen der gelehrt. Estn. Ges.) Скрытіемъ части горы образовалась та площадка, на которой студенты долгіе годы праздновали 1 Мая, и молодежь играетъ теперь въ городки, лонгтеннисъ и т. д.] Вблизи храма находились домъ и службы епископа съ обычными укрѣпленіями.

Начиная съ этого времени Дерптъ быстро разрастается. Торговля цвѣтетъ, далеко раскидываются форштаты съ церквами, садами и общественными зданіями. Городъ хорошо укрѣпленъ тремя каменными стѣнами. „Золотой вѣкъ Дерпта наступаетъ“! — восклицаетъ Ливонскій историкъ.

Въ началѣ XV вѣка Московскій митрополитъ Исидоръ ѣхалъ черезъ Юрьевъ и Гигу, отправляясь на Флорентинскій соборъ. Его встрѣтили въ Юрьевѣ съ почетомъ. Онъ удивлялся величинѣ города, построеннаго изъ камня, искусно выведеннымъ зданіямъ, численности церквей, между коими двѣ „христіанскихъ“ (православныхъ) — св. Николая и св. Юрія, обширности монастырей. Онъ удивлялся красотѣ садовъ на склонахъ и высотахъ, окружающихъ городъ. Къ XVI вѣку, или въ началѣ его, въ Дерптѣ было по меньшей мѣрѣ 40,000 жителей (Inland 1860, № 1). Въ началѣ XVII ст., когда городъ шелъ къ упадку своему, насчитывалось еще 11 церквей. 1) Домская церковь (св. Діонисія), 2) Маріинская на мѣстѣ нынѣшняго университета, 3) церковь св. Іоанна (Johanniskirche), существующая и нынѣ. Противъ нея, немного наискось, гдѣ нынѣ дома фортепіаннаго мастера Ратке, находилась 4) пра-

вославная церковь св. Николая*), вовсе разоренная шведами. 5) церковь св. Якова почти на мѣстѣ нынѣшней православной Успенской церкви, но ближе къ рѣкѣ. Есть вѣроятіе, что эта церковь, по случаю разрушенія церкви св. Николая, служила (1558—1582) для цѣлей православнаго богослуженія (здѣсь же были городскія ворота: „Монашескія ворота“ (Mönchs-Pforte). 6) Мужской монастырь св. Мартына, противъ Ботаническаго сада. Уцѣлѣвшая часть, корнусъ зданія, служила долго провіантскимъ магазиномъ и только недавно снесена, а остатками стѣнъ и фундамента воспользовались при возведеніи нынѣшняго городского гимнастическаго зала. 7) Женскій монастырь св. Екатерины на углу Широкой и Яковлевской ул. (гдѣ Хартманскій домъ). Въ монастырь принимались только дѣвушки дворянскихъ родовъ и, разъ постриженные, никогда не выпускались изъ стѣнъ монастыря. Въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, одеждахъ, съ чернымъ вѣнкомъ на головѣ, онѣ поразили митрополита Исидора, посѣтившаго монастырь во время уже упомянутаго мною странствія. 8) Замокъ церковь, вѣроятно, на мѣстѣ, или вблизи анатомическаго театра. Самый замокъ стоялъ тамъ, гдѣ нынѣ Обсерваторія, у самаго обрыва. Около моста, соединяющаго обѣ возвышенности и перекинутаго черезъ Замокъ улицу, стояла высокая башня „Der lange Herthann“. Отъ нея шла стѣна по прямой линіи къ нынѣшнему анатомическому театру. 9) Церковь св. Георгія или Юрія, бывшая въ XV в. православною, а затѣмъ отнятая у православныхъ, находилась, вѣроятно (?), близъ нынѣшней психиатрической клиники. Эта церковь, какъ и двѣ слѣдующія, находилась внѣ города. 10) Церковь св. Антонія на нынѣшней Влюмовской горѣ. 11) Церковь св. Анны на углу Звѣздной и Рижской улицъ или около.

До конца XV вѣка городъ не вѣдалъ горя отъ внѣшнихъ враговъ, но внутри были постоянныя распри. Рыцарство и духовенство, бюргера, гильдіи, цехи враждовали между собою, и въ городѣ происходили кровопролитныя стычки. — Собира-
 тель русской земли Иванъ Васильевичъ III задумалъ присоединить и Ливонію. Русскія войска опустошили всю землю. На этотъ разъ Дерпт избѣгнулъ осады и штурма, зато внутри начались раздоры и безпорядки, вызванные реформаціей. Убѣжденный, но радикальный Мельхіоръ Гофманъ, скорякъ изъ Швабіи, первый удачно проповѣдывалъ новое ученіе. — Освирѣпѣвшая толпа грабитъ и разоряетъ церкви и монастыри, затѣмъ и дома жителей. Между тѣмъ истекалъ срокъ 50 лѣтняго мира, заключеннаго съ Іоанномъ III, и Іоаннъ Вас. Грозный сталъ требовать уплаты дани. Опять всѣ ужасы войны обрушились на

*) Но традиціи болѣе древняя церковь св. Николая въ XV в. находилась тамъ, гдѣ нынѣ еврейскія лавки на берегу Омовжи, близъ перенравы.

Юрьевъ. 18 Юля 1558 года послѣ кратковременной осады и непрерывныхъ битвъ, при вылазкахъ со стороны нѣмцевъ, городъ сдался. Курбскій свидѣтельствуетъ, что битвы были „достойныя мужей рыцарскихъ“. Но сила одолѣвала. Воеводою русскихъ былъ князь Петръ Ивановичъ Шуйскій, мужъ, даже по свидѣтельству нѣмцевъ, честный, благородный, челоуѣколюбивый. На неоднократное предложеніе его сдаться, городъ не соглашался. Осадивъ его и замкнувъ со всѣхъ сторонъ, разбивая ядрами дома и убивая людей на улицахъ, Шуйскій далъ, наконецъ, жителямъ два дня на размышленіе, общая въ случаѣ сдачи свободный выходъ, кому желательно. Дерптъ сдался. Шуйскій поставилъ у воротъ стражу и не позволялъ входить въ городъ русскимъ воинамъ до водворенія порядка. И порядокъ былъ образцовый. Народъ скоро привыкъ къ побѣдителямъ.

Война русскихъ съ поляками продолжалась, но, какъ всегда, въ городѣ была сильная партійность, находились люди между дворянствомъ и знатными патриціями, гнушавшіеся русскимъ владычествомъ. Крузе, Таубе и Розень рѣшили овладѣть городомъ и передать его въ руки поляковъ.

Въ воскресный день, 21 окт. 1571 года въ 12 час. дня, въ то время, какъ русскіе ратники, вернувшись отъ обѣдни и пообедавъ, спали, расквартированные за рѣкою въ нынѣшней 3 части города, Розень съ 300 ливонскихъ всадниковъ, недавно поступившихъ на службу къ царю, бросился на русскихъ воиновъ, занимавшихъ постъ при Нѣмецкихъ воротахъ и перебилъ ихъ.

Въ это время Таубе проникъ черезъ Домскія ворота на рынокъ, тоже взявъ врасплохъ стражу. Городъ былъ въ рукахъ заговорщиковъ, но испуганные жители вмѣсто того, чтобы подать помощь Розену и товарищамъ, заперлись въ домахъ. Между тѣмъ русскіе воины и русское купечество соединились. Розень тщетно съ своими всадниками бросался имъ навстрѣчу. Самъ онъ и часть его отряда были перебиты. Русскіе вновь овладѣли городомъ, и тутъ началась страшная расправа, длившаяся нѣсколько дней: убійство, пожары, грабежъ. — Уцѣлѣвшіе бюргера — нѣмцы были отведены внутрь Россіи, по большей части въ Нижній Новгородъ. Туда перенесенъ былъ и главный колоколъ съ Домской церкви. Колоколъ этотъ изъ серебра съ небольшою примѣсью лигатуры, съ надписью, удостоверяющей принадлежность его Дерптскому епископству, видѣлъ я въ Пещерскомъ монастырѣ, на берегу Волги, близъ Нижняго Новгорода.

„Нѣмецкій городъ Дерптъ былъ стертъ съ лица земли“! восклицаетъ проф. Хаусманъ. Дѣйствительно, городъ подвергся такому основательному разрушенію, что еще пять лѣтъ спустя, въ 1575 г., датскій посланникъ, ѣхавшій въ Москву черезъ Дерптъ, не могъ найти въ городѣ сноснаго пристанища и долженъ былъ остановиться внѣ его. „Настоящею причиною гибели города“ —

говорить ливонская лѣтопись (см. главу о потерѣ Дерпта и конецъ епископства) — „было то, что Дерптскіе бюргеры нисколько не думали объ укрѣпленіи своего города. У нихъ крѣпче всего были построены своекорыстіе, жадность, притѣсненіе ближняго, роскошь, тщеславіе, новыя выдумки, пышныя свадьбы, крестины и ежедневныя гости. . . .“ Дѣйствительно, лѣтописи ливонскія изобилуютъ фактами, рисующими взаимную вражду, партійность и вѣроломство невѣроятныя. Такъ при появленіи русскихъ, канцлеръ, многіе изъ ратсгеровъ и дворянъ, послѣ общей клятвы умереть, защищая городъ, увѣрили горожанъ, что хотятъ сдѣлать вылазку противъ непріятеля, а когда выпустили ихъ изъ воротъ, поспѣшили удрать въ Ригу, покинувъ собратьевъ своихъ. Іоаннъ Грозный имѣлъ полное основаніе недоувѣрять епископу Герману и ратсгерамъ. Онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ сначала удалить епископа изъ Юрьева въ роскошное аббатство Фалькенау — 15 верстъ отъ города вверхъ по Омовжѣ — а затѣмъ и его и многихъ знатныхъ нѣмцевъ подворить въ Москвѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. Фалькенау подвергся болѣе тяжкой участи, чѣмъ Дерптъ. Онъ былъ сравненъ съ землею *).

Негодованіе свое противъ Дерптскихъ ратсгеровъ, противъ епископа и магистра ливонскаго ордена Іоаннъ выразилъ характерно: „Въ 1564 г. велѣлъ царь сдѣлать печать въ вотчину въ Вифлянскую, во градъ Юрьевъ; а на печати клейно орелъ двоеглавый, а у орла у правыя ноги гербъ, печать магистра Ливонскаго; а у лѣвыя ноги гербъ, печать Юрьевского бискупа; около же печати подпись Царскаго Величества боярина и наместника Вифлянскія земли печать; и тою печатью велѣлъ грамоты перемирныя съ свейскимъ королемъ печатати и грамоты въ иные государства. . . .“

„Дерптъ же, говорить лифляндскій историкъ, обрѣлъ видъ русскаго города, число русскихъ жителей росло. Они строили себѣ дома и храмы, учредили православное епископство. . . .“ Но уже въ 1582 г. кронный гетманъ польскій Замоискій о^{дѣла}етъ Дерптомъ. Для города, по свидѣтельству того же мѣстнаго историка, наступило самое тяжкое время почти пятидесятилѣтняго гнета со стороны поляковъ и особенно Іезуитовъ.

Въ городѣ было полное запустѣніе, русскіе ушли, медленно прибывали нѣмцы. Іезуиты царили всюду. Въ это время

*) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я выхлопоталъ разрѣшеніе сдѣлать раскопки на мѣстѣ Фалькенаускаго аббатства. Почти всѣ члены „ученаго эстонскаго общества“ выѣхали на мѣсто раскопокъ. Все зданіе обширнаго аббатства оказалось разрушеннымъ до основанія. Исполнители Іоанновой воли поступали радикально. Слово все было взорвано порохомъ, но дѣлалось это, кажется, проще. Все зданіе, до потолковъ, набивалось хворостомъ и деревьями и зажигалось. Сырой горѣвшій лѣсъ взрывалъ и уничтожалъ все до тла.

24 Іюня 1598 года отъ Ивановскихъ огней запылала Домская церковь, и большая ея часть сгорѣла. При бѣдности населенія нельзя было и думать объ исправленіи поврежденій. Къ тому же черезъ два года въ 1600 году, въ самое Рождество въ полдень, городъ былъ взятъ шведами штурмомъ. Вскорѣ страшные пожары обращаютъ Дерптъ въ пепелище. Части уцѣлѣвшей Домской церкви погибли. Храмы всѣ почти были уничтожены. Церковь святого Якова обращена въ известковую печь, а св. Мартына въ цейхгаузъ. — Ёсты и нѣмцы должны были подѣлится между собою Ивановскую церковь. — Только съ появленіемъ Густава Адольфа (1626) городъ опять начинаетъ поправляться.

Тогда то былъ учрежденъ Густавомъ Адольфомъ университетъ, находившійся тамъ, гдѣ нынѣ тюрьма. Университетъ, именовавшійся „Carolina Gustaviana“, существовалъ недолго, менѣе 20 лѣтъ. Въ 1656 году, 11 октября, городъ сдался русскому воеводѣ кн. Алексѣю Трубецкому.... Русскіе входили въ „Нѣмецкія ворота“, а въ противоположныя „Домскія“ выбирались изъ города шведскій гарнизонъ, профессора университета и члены лютеранской консисторіи.

Потомъ Дерптъ снова попадаетъ въ руки шведовъ, а затѣмъ, во время войны Петра I съ Карломъ XII, городъ былъ осажденъ русскими и обстрѣливается съ двухъ сторонъ. Онъ тогда вновь достигнулъ болѣе цвѣтущаго состоянія и былъ хорошо укрѣпленъ. Его окружала каменная стѣна съ пятью башнями и воротами. 1) Нѣмецкія ворота находились на нынѣшнемъ рынкѣ въ окрестностяхъ ратушной площади. 2) Русскія ворота были близъ, или даже въ самомъ нынѣшнемъ Ботаническомъ саду. 3) Далѣе, около дома Хартмана, на углу Широкой и Яковлевской ул., находились ворота св. Якова (отъ нихъ ведутъ названіе свое Яковлевская и Русская улицы). Далѣе высились 4) Домскія ворота, невдалекѣ отъ моста надъ нынѣшнею Замковою улицей и, наконецъ, 5) Андреевскія ворота близъ нынѣшней площади Барклая съ выходомъ на направленію къ Карловской улицѣ. Дома въ городѣ были каменные, многоэтажные, съ высокими черепичными крышами. О многочисленности ихъ можно судить по донесенію Шереметева Петру о результатѣ бомбардировокъ, констатированномъ по взятіи Дерпта. Шереметевъ пишетъ, что городъ чрезвычайно пострадалъ. Онъ крѣпко разрушенъ; неповрежденными остались только 60 каменныхъ домовъ. Не знаемъ, насчитываетъ ли городъ теперь 60 каменныхъ частныхъ домовъ, не считая, конечно, возведенныхъ въ послѣднія 15 лѣтъ.

Дерптъ былъ взятъ Русскими 13 Іюля 1704 года штурмомъ, въ присутствіи самого Петра. Петръ милостиво отнесся къ жителямъ. Онъ нѣсколько дней проживалъ въ Дерптѣ, по традиціи, въ существующемъ еще небольшомъ одноэтажномъ

домикъ, съ двумя старыми липами, на Ивановской ул. № 21, наискосокъ отъ „Юрьевского по воинскимъ дѣламъ присутствія“.

Несмотря на милостивое отношеніе Петра къ Дерпту, городское управленіе не могло забыть связи съ шведскимъ правительствомъ, и именитые граждане не переставали вести интриги противъ русскихъ, оставаясь въ тайныхъ сношеніяхъ съ врагами Петра. Тогда Петръ рѣшился на ту же мѣру, къ которой прибѣгнулъ Іоаннъ Грозный. Черезъ два съ половиною года послѣ взятія Дерпта рѣшено было поступить съ ратсгерами и недовольными бюргерами, возбуждавшими подозрѣніе, весьма круто, т. е. вывести ихъ внутрь Россіи, а укрѣпленія города срыть. 9 февраля 1708 года повелѣно было пасторамъ съ церковныхъ каѳедръ оповѣстить гражданъ, чтобы они въ 8 дней продали свое имущество и приготовились покинуть городъ. Касалось это распоряженіе не всего населенія, а только нѣмцевъ бюргеровъ и принятыхъ въ число ихъ германизированныхъ лицъ другихъ народностей, ибо не всѣ жители пользовались правами бюргера. Февраля 16 длинныя вереницы саней и повозокъ съ утварью, женщинами и дѣтьми, сопровождаемые пѣшими или конными гражданами, потянулись изъ города. По выходѣ ихъ стали взрывать укрѣпленія и, вѣроятно, вслѣдствіе этого начался пожаръ — а, можетъ быть, и отъ другихъ причинъ — только городъ выгорѣлъ. Въ 1714 году выселеннымъ въ Вологду нѣмцамъ было разрѣшено вернуться на старое пепелище, и съ 1715 года вновь началась постройка города. Дома по большей части воздвигались деревянные. Правительство разрѣшило пользоваться развалинами укрѣпленій и зданій. Разрѣшены были и коллекты на построеніе церквей и городскихъ зданій за границей и внутри государства. Самъ Петръ изъ своей кассы выдалъ 100 дукатовъ.

Такъ вновь сталъ воскресать изъ пепла Дерптъ. Но бѣдствія не вразумили бюргеровъ его! вмѣстѣ съ городомъ воскреснулъ и крамольный духъ въ его именитыхъ гражданахъ, — духъ интриги и партійныхъ началъ. Должно быть, таково вліяніе почвы и воздуха! Таково сужденіе одного изъ талантливейшихъ и извѣстнѣйшихъ балтскихъ писателей Виктора Хена.

Не прошло и 40 лѣтъ со времени возникновенія новаго деревяннаго города, какъ былъ онъ уничтоженъ пожаромъ, сначала 16 Мая 1755 года, потомъ еще разъ черезъ 8 лѣтъ, въ 1763 году.

По сужденію самихъ нѣмецкихъ писателей, тягчайшія бѣдствія были призываемы на городъ неразуміемъ, эгоизмомъ и упрямствомъ бюргеровъ и ратсгеровъ, руководившихъ судьбами его. При посѣщеніи города Императрицею Екатериною II въ 1764 году имѣлъ мѣсто очень характерный случай. Половина города еще находилась подъ пепломъ, но государыню приняли съ подобающею торжественностью. Въ честь ея вы-

строили новый каменный мостъ черезъ Омовжу, существующій и понинѣ. Отдѣляли для нея домъ на площади, въ которомъ помѣщается теперь учебное заведеніе г. Трефнера, а вечеромъ зажгли иллюминацію. Одинъ изъ гражданъ, желая обратить вниманіе высокой гостии на положеніе жителей, страдающихъ отъ эгоизма и своеволія гражданъ — заправилъ, выставилъ большой транспарантъ, изображавшій городъ Дерптъ въ прежнее цвѣтущее время его существованія, что должно было быть указаніемъ на причину постоянныхъ его бѣдствій. Краснорѣчивое поясненіе заключалось въ подписи на нѣмецкомъ языкѣ, довольно примитивными стихами:

Всемиловитая Государыня!

Мы къ ногамъ твоимъ припадаемъ,
О милости къ тебѣ зываемъ:
Ратсгеры нами управляютъ
И насъ гнетутъ и притѣсняютъ,
Межъ нихъ вражда и ссоры . . . Никогда
Не видимъ правды мы, ни праваго суда*).

Черезъ десять лѣтъ послѣ посѣщенія города Екатериною II, въ 1775 году, онъ опять погорѣлъ: погибло 400 домовъ.

Итакъ, М. Г., я былъ правъ, сказавъ, что городъ нашъ стоитъ на костяхъ и пеплѣ. Вы могли убѣдиться въ томъ изъ бѣглаго очерка исторіи его прошлаго. Въ искони русской землѣ долго просуществовали нѣмецко-балтскіе порядки. Пора и честь знать! Пора примкнуть къ общей великой родинѣ, дружно идти къ улучшенію ея судебъ. Старое не вернется. Справедливо сказалъ поэтъ Лыковъ, годы проживавшій въ нашемъ городѣ, въ извѣстномъ своемъ стихотвореніи:

Не встанешь ты изъ вѣкового праха,
Ты не блеснешь подъ знаменемъ креста,
Тяжелый мечъ наслѣдниковъ Рорбаха,
Ливоніи прекрасной красота.
Прошла пора твоихъ завоеваній. . . .

Духъ князя Вячки очнулся! Слава ему! Слава и всѣмъ честнымъ бойцамъ за гуманное русское начало.

*) Экартъ, рассказывая объ этомъ случаѣ, говоритъ: „Изображеніе и подписи характерно рисуютъ одичалость и непатріотичность мѣщанствующихъ (den verrotteten, unpatriotischen Geist der damaligen Spiessbürgerlichkeit).“

Пав. Висковатовъ.